

ПОСТГЕРОИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ: ЦИФРОВИЗАЦИЯ, ПРЕКАРИАТ, КВАЛИМЕТРИЯ

Тимощук Алексей Станиславович,

доктор философских наук, доцент,

профессор кафедры гуманитарных

и социально-экономических дисциплин

Владимирского юридического института ФСПН,

Россия, 600020, г. Владимир, ул. Б. Нижегородская, 67

ORCID: 0000-0003-4664-3215

SPIN-код (РИНЦ): 8288-9253

AuthorID (РИНЦ): 451016

Researcher ID: A-6590-2016

human@vui.vladinfo.ru

Аннотация

Статья является развернутой рецензией на книгу В.А. Кутырёва, В.В. Слюсарева, Т.М. Хусяинова «Человечество и технос: философия коэволюции». Рассматриваемая коллективная монография¹ наряду с классическими темами В.А. Кутырёва содержит новые топики его соавторов В.В. Слюсарева и Т.М. Хусяинова: трансформация социальных структур, проблемы взаимодействия с виртуальными помощниками, самоидентификация личности в условиях информационного общества, трудовые ресурсы в условиях глобализации, противостояние гуманизма и эффективности на рынке. Еще один новый круг проблем – наращивание сложности информационного общества через скорость, объемы данных, конвергенция, диалогичность. Религиозные различия, столетиями фундаментально дифференцировавшие этносы, ушли в прошлое. Дифференциация стилей потребления, экологическая нагрузка на биосферу и емкость среды обитания – таковы актуальные антиномии человека и техники. В работе разбираются эффекты актуальной социальной динамики, в частности, возрастающие процессы прекаризации, ускоряющийся темп жизни и рост народонаселения. Стабильная занятость, устойчивое развитие, мудрость, консервативные ценности – всё это предлагается в жертву цифровизации, геймификации, информатизации и составляет в совокупности общество риска. Можно ли говорить о потреблении человека техносом? Не является ли этот черный слизняк на обложке монографии очередной философской гиппо-

¹ Кутырёв В.А., Слюсарев В.В., Хусяинов Т.М. Человечество и технос: философия коэволюции. – СПб.: Алетейя, 2020. – 260 с.

стазированной метафорой? Правильно было бы говорить о том, что в условиях перепроизводства людей нам нужна техника для более эффективного производства. Без нее мы не сможем остаться людьми. Техника помогла нам покинуть чисто биологическое состояние и стать сапиентными, цивилизованными. Искусственный интеллект, нейросети, робототехника, распределенная обработка данных, стандарт 5G, большие данные, интернет вещей, облачные вычисления, 3D-печать, дополненная реальность – это не технологии-монстры, акторы трансгуманизма, а то, что может дать перспективную занятость миллионам людей. Проблема безработицы постиндустриального общества становится уже глобальной, так как человечество достигло пределов развития. Быстрая прекарнизация населения тому доказательство. Масса людей на планете не могут найти нормальную занятость с социальными гарантиями. А может быть, нам нужно благодарить технику? Таким неоднозначным выводом завершается рецензия.

Ключевые слова: пределы роста, емкость среды, устойчивое развитие, прекариат, лишние люди, уберизация, консервативный динамизм, левый консерватизм.

Библиографическое описание для цитирования:

Тимошук А.С. Постгероическое время: цифровизация, прекариат, квалиметрия // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 4, ч. 1. – С. 204–222. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-204-222.

Введение

Технологичность жизни и потребительские ценности, кризис больших нарративов – всё это факторы становления постгероического общества, паноптикума цифрового селфизма и эксгибиционизма, где инстаграмизация, медиатизация и самобрендинг – ведущие тренды цивилизации «казаться, а не быть». В мире-аквариуме культура образа соревнуется с культурой текстов; «быстрее и быстрее» вытесняет анахронизм *long read*, и философия, как культура текстов, оказывается в проигрыше. Три автора «Человечество и технос» объединились, чтобы указать на опасности глобализации, цифровизации и трансгуманизма, ведущие к деградации собственно человеческого, представленного в различных модусах (индивидуальное, мужское, женское, родовое, этническое, национальное, гуманное, сапиентное, разумное, интуитивное, трансцендентное и т. д.).

Владимир Кутырёв, Владимир Слюсарев и Тимур Хусяинов выпустили в плавание новый антитехнократический ледокол, который должен пробить лед *Mortido*, сковавший человечество после проклятия техноса. Вместе авторы образуют именной концепт «Кутслюсаинов», или просто КСХ, – целая контрпрогрессивистская лига. Цитата А. Эйнштейна «Стало чудовищно очевидно, что наши технологии превзошли нашу человечность» задает тон монографии, протестующей против технологического эволюционизма.

Опорными точками трактата служат пять философских произведений, которые выглядят озабоченными сосуществованием человека и техносферы, однако на деле лишь подстегивают саморазвитие технологий, а не их ограничение. Во-первых, манифест спекулятивного реализма посткапиталистического философа Квентина Мейясу, в котором исследуется задача виртуального доступа к реальности, минуя теоретическое знание и корреспондентскую истину [2]. Второй автор, представитель контрлингвистического направления А.Н. Нилюгов, рассматривает проблемы цифровизации, сциентизации обыденного языка [3]. Третий источник – это риторическая теория числа оригинального русского философа С.Е. Шилова [11]. Не совсем ясно, почему КСХ опираются на его теорию. Сергей Евгеньевич очень пафосно и логицистски продвигал «марш единицы», что противоречит интенции КСХ. Труды Шилова неоднозначны и запутанны. Если бы философы давали свои книги о математике самим математикам, возможно, было бы меньше кажимых противоречий. Целочисленная модель и полемика между Леопольдом Кронекером с Карлом Вейерштрассом и Давидом Гильбертом, которые так радикализирует Шолов, на самом деле являются частными аспектами мира математики. Теоретико-функциональный подход и теоретико-множественный подход были неизбежны. Они предопределили многие открытия и, как следствие, смену социотехнического устройства цивилизации. Идеи Шилова, возможно, более высокие: как целые числа могут быть представлены в виде произведения простых сомножителей? Имеет ли теория функций скорее некое общее основание, возможно, вытекающее из целочисленной модели? И если бы удалось обнаружить такую модель, то это могло бы, вероятно, не только объяснить закономерности данной теории, но и что-то еще, чего мы не знаем. По крайней мере, ссылка на этот труд выглядит товарищеской отсылкой.

Четвертое основание монографии – это книга культуролога Ю.М. Резника, рассматривающего феноменологические грани со-бытия «я – Другой» [4]. Пятый источник представляет собой переиздание уникального советского эстетика Михаила Лифшица, предсказавшего многие технологические тенденции и стоявшего на антимодернистской позиции [1]. Перечисленные источники, за исключением риторики Шилова, на мой взгляд, помогают КСХ сформулировать стратегии устойчивого развития человечества – коэволюцию, левый консерватизм, сохранение жизненного мира человека.

Цифровая революция

К уже известным и хорошо описанным творческим идеологемам техноутопического алармизма и заговора философов-«редукторов» давно нужно добавить что-то новое. В качестве такой новеллы, действительно

отражающей выкрутасы цифрового модерна, выступает критика формальной квалиметрии, КСХ разбираются с последствиями четвертой НТР, или цифровой революции, которую они называют Большим Вызовом. Принципиальным результатом цифровой революции по отношению к информационной, давшей ПК, стала автоматизация и интеграция целых отраслей и комплексов производств. Параллельно процессам становления глобальной цифровой ризомы (интернета вещей) повышается спрос на креативный труд. При этом созданное новое в условиях массового общества перестает быть эксклюзивным элитарным товаром. Большое количество творческих людей создают свои шедевры не как акт свободной личности, а из потребительской необходимости [6, с. 69]. Кинокартины оценивают по рейтингу, книги – количеством продаж, сценическое искусство – наполняемостью залов, научные труды – квалиметрией знаний. Сегодня имеет место перепроизводство талантливых вещей, на которые нет времени. Изобилие фильмов, художественных произведений, картин и песен. И также масса художников, писателей, ученых, актеров, занятых в коммерциализированной языковой игре, что приводит к постмодернистской концепции «смерть автора». Компиляция, плагиат, копирайтерство, гострайтинг, генерация контента – эти технологии, усиленные цифровизацией, позволили масштабировать границы присутствия Мастера до оператора дискурсивных процедур.

Первая НТР создала условия для мануфактурного производства и глобального передвижения товаров. Во время второй НТР были изобретены средства массовой информации и коммуникации. Третья НТР была самой масштабной, затронув множество областей от производства полимерных материалов до полетов в космос. Вопрос о четвертой НТР является спорным. Прорывы, изобретения и инновации есть (клонирование, нанотехнологии, индивидуализированное производство), однако они не носят такой масштабный и социально-экономический характер. В прошлые НТР менялся сам тип общества благодаря внедрению технологий. От аграрного к индустриальному и постиндустриальному. Какой тип общества создала четвертая НТР? Пока не ясно, можно ли назвать современное общество пост постиндустриальным. В глобальном масштабе представлено три экономических типа обществ и складываются предпосылки для формирования новой фазы постиндустриального общества [6, с. 88].

На каждом этапе своего развития человечество стремилось выработать программу устойчивого развития. Каждый тип общества – первобытное, аграрное, индустриальное и постиндустриальное – вырабатывает свои стандарты надежности выживания и обеспечения потребностей. При этом ключевым фактором перехода от одного типа общества к другому является

народонаселение, численность которого выступает одновременно решением проблемы и новым вызовом устойчивости.

В примитивном обществе большой род помогает в конкуренции с другими племенами, но его трудно прокормить на ограниченных охотничьих угодьях. Этот тип человечества достаточно устойчиво существовал несколько миллионов лет, постепенно заняв все континенты. Однако рост народонаселения и невозможность удовлетворить потребность в питании с помощью охоты привели к переходу на аграрный тип хозяйствования, что является первой масштабной революцией человечества, обеспечившей ему относительно стабильное существование в течение нескольких тысяч лет.

Проблемы нехватки земли начали проявляться уже в конце Средних веков, когда европейские государства активно сводили лес и искали возможности колонизировать новые континенты. Дефицит земли породил пауперизм, бродяжничество и исход крестьян. Первая НТР давала занятость в городах на производстве, и это быстро меняло уровень жизни, уклад жизни и тип семьи. Город впервые стал более сытым местом, чем деревня.

Индустриальный тип общества нуждался в своем типе устойчивости – рынках сбыта. Производить массово человечество научилось, однако надо было еще и продать товар, а для этого нужен был средний класс и политика протекционизма, который обосновал экономист Адам Смит для родины капитализма. До тех пор, пока индустриально развитых стран было немного, они обеспечивали свою устойчивость, реализуя продукцию в аграрных колониях. Однако постепенно число индустриально развитых держав росло: к Великобритании присоединились Германия и Франция. Затем выросло влияние США и Японии. Первая и Вторая мировые войны – это конфликты уже индустриальных держав, где свое место в глобальном порядке отстаивало молодое советское государство, ставшее альтернативным проводником индустриализации в Азии, Африке и Латинской Америке. СССР овладел технологиями электроэнергетики и неорганической химии, станкостроения и машиностроения, ракетостроения и ядерного синтеза; делился ими с союзными республиками, составляя конкуренцию развитым индустриальным государствам.

Говоря о парадоксальности состояния современной мировой цивилизации, иногда указывают на то, что она крайне неоднородна, состоит из трех исторически различных стадийальных типов: аграрно-традиционной, индустриальной и постиндустриальной. Никакого здесь парадокса нет, это ответ на демографический вызов.

Все основные технологии уже есть, некоторые из них достигли предела. Все три типа общества уже присутствуют на планете – аграрное, индустриальное и постиндустриальное. Иные типы обществ – космическое,

о котором мечтали русские космисты; коммунистическое – идеал социал-утопистов; постчеловеческое – цель технократов – суть мыслимые, но недостижимые [7].

Исторически третий тип цивилизации, к которому вплотную подошло человечество, описал Э. Тоффлер и связал его с компьютеризацией и роботизацией. Как и Маркс, он делал выводы о будущих отношениях собственности, соотношениях необходимого и свободного времени, при этом его выводы не столь категоричны, он исходил из того, что будущее открыто для изменений. Согласно Тоффлеру, при смене технологии меняется и социокультурный код, в то время как у Маркса технология – это лишь переход к новому типу эксплуатации, пока не будут обобществлены все средства производства.

Технократическая эйфория была свойственна как марксистам, так и немарксистам. Обе партии полагались на мощный рывок в освоении космоса, роботизации производства и снятие всех социальных противоречий благодаря прогрессу технологий. Технократическое мифотворчество – это яркий пример устойчивости религиозного сознания. В отсутствие Бога его место занимает техника [8].

Авторы критически относятся к цифровой революции как четвертой НТР, но перечисляют ее производственные мощности: искусственный интеллект, машинное обучение, роботехника, блокчейн, большие данные, облачные вычисления, 3D-печать [6, с. 85]. Можно добавить к этому списку интернет вещей. Каждая из этих технологий способна оказать влияние на жизнь человека и человечества и уже сейчас активно внедряется во многих странах на государственном и локальном уровнях, в компаниях, в жилищах людей и различных товарах [6, с. 50].

Глобальная деревня нуждается в умных технологиях. Нам стало слишком много, чтобы оставаться романтиками доиндустриальными или даже промышленными романтиками. Смысл цифровизации в том, чтобы создать еще какое-то количество рабочих мест, улучшить глобальную логистику, наладив обмен капиталов, трудовых ресурсов, товаров и информации.

«Математизация – информатизация – цифровизация» – таковы этапы становления сверхсильной Большой науки, переводящей всё недочеловеческое в слишком машинное. В 2021 г. исполняется 460 лет одному из главных акторов Megascience, Ф. Бэкону, провозгласившему великий переход от свободных искусств тривиума и квадривума к эмпирическим наукам и самому принесшему в жертву свою жизнь науке. Повернув ученых в сторону технонауки, Бэкон выступил предтечей техногенной эпохи, своей смертью продемонстрировав волю к эксперименту. В своем последнем письме ученый говорит, что ему повезло разделить участь Гая Плиния Стар-

шего, погибшего при исследовании извержения Везувия [12, с. 246]. Угасание светоносной науки, не дающей очевидных сверхсильных результатов, – побочный результат утилитаризма technoscience. Поэтому ценности от оси смысла, творчества, труда, личности смещаются в сторону манипуляции, игры, вычисления Intel-агента [5].

Интенции Ф. Бэкона фундируют технократический реализм современности. *Scientia est potentia* преобразуется в *Techne est potentia*. Античное и средневековое высокомерие по отношению к техническим наукам обернулось «ненужностью» философии, которая, чтобы оправдать свое существование, продвигает на рынок философию науки, стратегии цифровизации, перспективы когнитивных исследований, методологию искусственного интеллекта, стратегии NBIC-конвергенции, электронную культуру, нейроподобные архитектуры, инновации megascience [9].

Предшественница НБИК, кибернетика, уже в прошлом веке начала исследования по конвергенции атомов и клеток, живого и неживого; автоматизации процессов администрирования, систем с обратной связью, электронного управления. Логика искусственного интеллекта (нейронных сетей, блокчейна) пытается выработать язык программирования, который позволял бы решать причинно-следственные задачи, достигать цели в работе с операторами разных модальностей: необходимо, возможно, допустимо, обязан, запрещено, иногда, кое-где. Достижение этой цели позволило бы снять ограничения с автономных агентов и сделать их переменными. На практике это означало трансформацию из торгового автомата в киберритейлера с навыками маркетолога и мерчендайзера. Если разбить эту сверхзадачу на несколько подпроцессов, то через несколько сотен лет человечество смогло бы создать такие модальные интеллектуальные системы. Однако до этого необходимо решить суперпроблему, энергетическую, обусловленную энергозависимостью технократической цивилизации и неспособностью покрыть все потребности возобновляемыми ресурсами. Самый банальный апокалипсис – это обесточить наши города, которые являются центрами науки и технологий. Неспособность неминеральной энергетики обеспечить инфраструктуру мегаполисов приведет к деурбанизации, депопуляции и сворачиванию ИИ-программ. Увлеченность киберпроектами походит на детский серфинг перед прогнозом о цунами. Переориентация научных программ могла бы помочь совершить более мягкий переход от цивилизации нефтегазового профицита к обществу ограниченных энергоресурсов.

Digital watch: цифровой контроль

Взгляд авторов падает на собственное научное сообщество, и особое внимание они обращают на зависимость ученых от институциональных маркеров благополучия, на профессиональную рейтинг-аддикцию. В эпо-

ху квалиметрии наукометрические показатели становятся символами значимости ученого. Количественная сторона продуктивности превращается в вожделенный симулякр, в сложную игру в научный статус [6, с. 70].

Хищеманию сопровождают технологии девальвации науки: коипаст, нарезка, рециркуляция, автоматическая генерация текстов, договорное цитирование, самоцитирование, фальсификация данных. Следует учесть, что накачка библиометрических показателей исходит не только от субъектов научных исследований, но и от образовательных и академических институтов, сравнивающих индекс цитирования по организациям и предъявляющих требования публикационной активности своим сотрудникам. Соревнование между вузами и НИИ рождает спрос на оперативную публикацию, что создает пузырь мусорных журналов и превращает научную работу в отчетность.

Среда наукообразных текстов настолько плотная, что даже трудно идентифицировать личность и отличить информационный шум и машинные копирайты от авторских исследований. Большие массивы научных данных – это автопоэтическая система маркетинга, открывающая горизонты возможностей для бизнеса в науке. Индексирование и импакт-фактор уже не помогают оценить самоценность публикации, они позволяют лишь отследить ее символическое позиционирование [6, с. 113]. Управленцев мало интересует, *что* вы написали, но очень важно, сколько, в каких журналах и с каким индексом.

В более обширном контексте наукометрия – это часть мощного цивилизационного тренда на квалиметрию, количественного оценивания качества объектов любой природы. Мечта Пифагора сбывается: цифра может всё! Однако становимся ли мы ближе к реальности, получая односторонние показатели о комплексных объектах? Социологи давно уже признали недостаток количественных исследований без качественных. Впрочем, победный марш дигитализации не остановить! Формализация конвергирует и захватывает всё новые области – микромир, биоту, сознание. Алгоритмический интеллект и математическое описание вытесняют естественное рефлексивное мышление [6, с. 12]. Техногенное моделирование редуцирует богатство человеческого космоса до коммутации нейросистем. Математическое, техническое, цифровое, бессловесное – всё это одна линия трансгуманизма, торжества искусственного [6, с. 152]. Трансформация сознания в вычислительный процесс должна поправить старый, слишком антропологический мир. Технопарки с компьютерами вместо школ и вузов – вот инновационный прорыв в будущее!

Матемократия – это не дистопия, а последовательная реализация пифагореизма. Матема реализует подобие сущего предельному символу. Сначала мы редуцируем предметный мир до субъекта и предиката, а затем

сокращаем их до числового выражения. Пифагор – Платон – Галилей – Декарт – ранний Гуссерль – Бадью ведут линию математизации субъекта и объекта, превращая аксиоматику числовых отношений в дискурс о бытии. Штрихи поэзиса представлены в философии Гераклитом – Августином – Шеллингом – Хайдеггером, но они едва заметны на фоне общефилософского рационализаторского редукционистского тренда (Аристотель – Аквинат – Бэкон – Юм – Кант – Гегель – Маркс). Кутырёв представляется в этом сонме мудрецов и философов антиформалистом, защищающим концептуальное пространство от абсолютизации цифры. Зонируя математические символы прикладным, обслуживающим Человека значением, трио КСХ сберегает катарсис бытия от конвергенции с цифровой онтологией, пустыми множествами искусственного языка.

Прекаризация

КСХ изучают процессы в трудовой сфере, связанные с сокращением рабочих мест. Для выполнения работы открываются широкие возможности по решению конкретных задач временных удаленных работников [6, с. 70]. Формируется целая страта временно или частично занятых людей под названием прекариат. В связи с перепроизводством трудовых ресурсов и оптимизацией штатов появилась масса нестабильно занятых работников с минимальными или отсутствующими социальными гарантиями для них. Нам нравится снижение цен на товары и услуги, которое достигается в том числе сокращением постоянно занятых с социальным пакетом и заменой их на внештатных сотрудников «по вызову». Уберизация труда удобна для потребителей, но что ждет средний класс в будущем? Не является ли прекариат новой революционной массой городских трущоб?

Проектное мышление, перенесенное в реальные трудовые отношения, становится страшным обманом. Молодежь, живущая идеями стартапа, перспективными проектами, не дающими дохода, имеет только видимую иллюзорную занятость. Рост числа самозанятых радует только чиновников, составляющих отчеты по безработице. Эти люди, работающие по контракту с нулевым социальным временем, среди самых незащищенных [6, с. 102].

Сетевая форма занятости организована через автоматизированные сервисы. Казалось бы, это свобода распоряжаться своим временем – «работай сколько хочешь и когда хочешь». В действительности же здесь нет пенсионных отчислений, оплачиваемого отпуска и отпуска по уходу за ребенком, полиса ОМС и иных социальных благ. Неограниченная капиталистическая эксплуатация возвращается в технологических одеждах прогресса. Из счастливых свободных агентов экономики 4.0 прекариат может быстро стать новым пролетариатом, устраивающим уличные беспорядки и захва-

тывающим офисы. Раздражение, anomia, скепсис, протест – это настроение прекариата.

Развитие цифровых платформ, трудовая миграция, постмодернистская философия децентрализации (пиринг) – всё это факторы, в совокупности приводящие к феномену кочевника на рынке труда. Крупные агрегаторы нестабильной занятости – Amazon, Delivery Club, Uber, Gett и т. п., по сути, выступают новыми международными империалистами, хищниками, живущими за счет эксплуатации одноразовых работников. Капитализм переоделся в технологические одежды прогресса и продолжил извлекать сверхприбыли [6, с. 78].

Занятые в Uber-экономике только в начале выглядят как свободные предприниматели: «Станьте партнером. Ваш график. Ваш доход. Подключайтесь к заказам». На самом деле это цифровые пролетарии, не защищенные ни от собственников сервиса, ни от клиентов. Онлайн-дилеры не несут ответственности за наемных работников и даже не считают себя работодателями. Технология позволяет извлекать прибыль без человека [6, с. 9]. Так, компания Uber, законодатель цифровой моды, устав от забастовок водителей, инвестирует в беспилотные такси. Технологии «окон возможностей» работают на олигополистов, использующих те же технологии, что описал еще В.И. Ленин: вывоз капитала, передел сфер влияния.

Демократия, равенство, справедливость, свободная конкуренция, индивидуальное предпринимательство – к этим утопическим лозунгам на фасаде капитализма сегодня добавились новые, технологические: цифровизация, экономика 4.0, прозрачность мира, индивидуализация производства, трансгуманизм. Цифровые технологии выступают средством максимальной эксплуатации, реализуя «технологический посткапитализм» [6, с. 177, 206].

Прекариат не свободен, так как не может позволить себе праздно потреблять хотя бы месяц или даже неделю, поскольку у него нет оплачиваемого отпуска. Самые героические представители «лишних людей» отправляются жить в коммуны хиппи, религиозные поселения, родовые поместья, этнодеревни, пермакультуры, общины веганов, эконообщества, ЗОЖ-кохаузинги, профильные объединения, некоммерческие партнерства.

Беспощадная школа жизни подталкивает романтиков, идеалистов и утопистов расставаться с технологическим укладом жизни, фундамируя свое рвание единством с природой, общим делом, контркультурными идеями, миссианством, самоспасением, гармоничной жизнью, семейными ценностями, уединением, энергоэффективностью, минимализмом, ЗОЖ, созданием альтернативной социокультурной среды, творчеством, антигосудар-

ственной идеологией, устойчивым природопользованием, самообеспечением, вегетарианством, дауншифтингом, холизмом [6, с. 82].

Буйные «лишние люди» устраивают бунт против сложившейся системы потребления. Это представители контркультуры: троцкисты, маоисты, анархисты, леваки, антифа, хиппи, битники, рокеры, металлисты, панки, байкеры, эскаписты, антиглобалисты, активисты «Гринпис». У них хороший аппетит, нормальные человеческие потребности, но низкий уровень в социальной иерархии, и они чувствуют себя исключенными из праздника жизни. Протесты принимают разные социальные формы, но неизбежно в их агрессивных формах присутствует вандализм против символов среднего класса – автомобилей и бутиков. Участники уличных акций не только раскрепощают нравы, они балансируют на грани острых социальных проблем. Молодежные лозунги бескомпромиссны, дерзки и разрушительны: «Смерть капиталу!», «Ни Бога, ни господина», «Запрещается заперщать!», «Будьте реалистами – требуйте невозможного!», «Всё – и немедленно!», «Забудь всё, чему тебя учили, – начни мечтать!», «Анархия – это я», «Реформизм – это современный мазохизм», «Нельзя влюбиться в природу промышленного производства!», «Границы – это репрессии», «Освобождение человека должно быть тотальным, либо его не будет совсем», «Я люблю тебя!», «Смерть ментам», «Скажи это с бульбжником в руке!», «Революция должна произойти до того, как она станет реальностью», «Революцию не делают в галстуках», «Структуры для людей, а не люди для структур!», «Университеты – студентам, заводы – рабочим, радио – журналистам, власть – всем!». Социально неустроенные и не имеющие полной гарантированной занятости выступают не только против раскрепощения нравов. Мятёжное поколение восстает против снобизма истеблишмента, лжи геронтократии. Это конфликт поколений, который В.А. Кутырёв интерпретировал как экстремальные формы протеста, – искры от столкновения традиционных культур с цивилизацией [10].

Наступление цивилизации без святых и героев сопровождается контролем, учетом, и обратный ответ фундаментализма в виде терактов – это борьба против глобализма [6, с. 221]. В сравнении с бунтами против социальной маргинализации криптоанархизм и блокчейн-демократия выглядят как компенсаторные механизмы дефицита свободы [6, с. 86].

Полионтизм и усложнение бытия

Книга затрагивает проблему конституирования сложности. С точки зрения генезиса сложности ему соответствует не креационизм в виде возникновения из ничто, а принцип феноменологической манифестации бесконечно-вечного, нагруженной полионтическими факторами сложности [6, с. 48].

Усложнение социотехнической среды фиксируется сегодня как фактор VUCA, нестационарность (volatility), неопределенность (uncertainty), сложность (complexity) и неоднозначность (ambiguity). Когда мы имеем дело с процессами, которые не поддаются достоверному и однозначному описанию и прогнозу, мы имеем дело с VUCA-фактором, VUCA-среда не оставляет шансов на стратегическое долгосрочное планирование. В VUCA мире на фоне самой современной демократической оболочки могут применяться средневековые методы пыток, похищений, отравлений, шантажа и вероломства.

Медиакоммуникации выступают одним из факторов онтологии нарастающей сложности, описываемой не только с онтической стороны как неоднородность, нелинейность, стохастичность, но и имеющей значительные познавательные-информационные детерминанты в виде СМИ, СМК и других информационных агентов, формирующих такие параметры реальности, как многослойность, неопределенность, гибридность, эмерджентность, интертекстуальность.

Коммуникация из связи между объектами превратилась в основную стихию бытия, где рождаются смыслы и значения. Если в марксизме деятельностный подход онтологизировался, то через него происходит онтогенез и филогенез; коммуникативная рациональность фиксирует бытие в процессуальности контакта. Всё, стало быть, через трансмиссию, а до нее ничего не было. Наивные натурфилософы. Какая вода, воздух, огонь или апейрон? Коммуникация – вот субстанция *sui generis*! Таинственный пятый элемент. Отношение, из которого рождаются агенты и предметности [6, с. 39]. Постсовременная онтология взаимодействия: средство сообщения есть само сообщение. Десубстантивация – это эстетическая поза, мода на прозрачную одежду и безбелковую диету.

К философскому концепту коммуникативной рациональности можно добавить и литературные метафоры сложности (мировой театр, лабиринт, шахматная доска, паутина, ризома и т. д.), которые также часто используются при описании информационной комплексности реальности. Всякий раз, когда мы говорим о сложности, упоминаем, что заходим в тупик из-за фундаментального ограничения языка. В эту затруднительную ситуацию попадали все философы, в особенности Платон и Аристотель, Кузанский и Лейбниц, Гегель и Фихте, Уайтхед и Витгенштейн. Мы как будто пытаемся понять сложность Вселенной с помощью одномерного инструмента. Фрактальные аналогии – это одна из попыток снять эти ограничения. Всякий раз, когда литература пытается мыслить вселенную в целом, в способе видения, – это часть топологии порядка и хаоса. Методы и концепции, сложившиеся в классической науке, не дают нам уверенности в схватывании целостной парадигмы гетерономного, и поэтому мы вынуждены обра-

щаться к гибридизации, творческому воображению, категории взаимодействия и процессуальности. Может ли человек снизить уровень сложности цивилизации, построенной на комплексности? Ведь известно, что одна из причин распада систем – это превышение уровня комплексности цивилизации. Вместе с тем повышение уровня сложности – это ответ на рост народонаселения. Пандемия внесла новые аспекты комплексности в сферу экономической безопасности, оптимизированной медицины, глобальных факторов региональной устойчивости. Вирусы как нанофактор в масштабе нашего макромира актуализировали значимость медиареальности в управлении сложностью бытия. Пандемия расставила экологические приоритеты. Если раньше были здоровые и больные, то сегодня есть бессимптомные больные (их бы раньше назвали здоровыми) и бессимптомные здоровые, т. е. функционирующие киборги, homo ecomoticus [6, с. 62].

Значительная роль в формировании социокультурных условий новой нормальности принадлежит коммуникативной рациональности, формируемой через неинституциональные формы: социальные сети, сетевые сообщества, стриминг, комментирование на форумах, любительскую журналистику, вирусную рекламу, визуальную сетевую культуру. Медиатизация международных отношений также опосредована вбросами, распространением слухов, негатива, фейков. Постправда – могущественный фактор в коммуникационном менеджменте политических процессами, означающая отход даже от двойных стандартов.

Глобальная ситуация обусловлена рапидакторами (дромологической оснасткой) современности, ускоряющими процессы, позволяющими нам только планировать и быстро принимать реактивные решения в быстро меняющейся среде. Скорость как детерминанта усложнения реальности, предстает как транзитивность, динамика, власть ускорителей (транзисторов, процессоров, транспортных систем, стандартов передачи информации, скорости обслуживания клиента). Политэкономия скорости выражена философией капиталократических акселераторов, преодолевающих барьеры времени и пространства, уничтожающих все преграды для профицита капитала. Логика скорости определяет процессуальность мира, его суперонтичность. Мы не успеваем за скоростью изменений и генерируем формы успеха: транзитивность, синхронизацию, социодинамику, time management, «время – деньги», speed-dating, «обслуживание под ключ», срочные похороны. Скорость социальных процессов не позволяет осмыслить происходящее, что рождает особый тип мышления культуры скоростного восприятия – аналогизирующе-образное, клиповое, мозаичное. Техносфера и ноосфера бросают вызов экосфере, материнской среде обитания человека, а темпы изменений преодолели антропологический барьер.

Классические представления об истине предполагали ее устойчивость, эмпирическую проверяемость, общезначимость. Неклассика оставляет нам вместо истины след, игру, дискурс, мнение, постправду, фейковые утверждения и т. п. Вместе с тем жизненный мир сообществ опирается на ключевые элементы дискурса, которые не подвергаются сомнению в группе.

Место классического понятия «факт» заняла «дискурсема», концепт мира медийной реальности. Нельзя сказать, что современное человечество не нуждается в классическом понятии истины, что остались одни дискурсема, знаки присутствия правды. Это не так. Самолеты летают, олимпийские рекорды устанавливаются и торговые операции совершаются. Современная жизнь, напротив, очень требовательна к результативной, эффективной, проверяемой деятельности. И только медиатизированная реальность предлагает вариативность конструирования и деконструкции, интерпретации и негоциации. Сама характеристика опосредованности техникой и технологиями создает эффект надежности, достоверности дискурса [6, с. 104].

Разработка аппаратных средств и программного обеспечения способствовала созданию особой социотехнической среды. Электронная почта, чаты, форумы, онлайн-обучение, вебинары, виртуальные сообщества – все эти инструменты революционизировали коммуникативную рациональность, усилили власть слова, содействовали вступлению человечества в ноосферный этап развития. Коммуникативная рациональность предстает ключевым элементом снятия радикальных форм культурного конфликта, основой интеграции, выработки взаимопонимания. Новые коммуникационные и информационные системы, функционирующие через IP-адреса, образуют сетевое человечество, децентрализованный коллективный субъект. Границы новой глобальной нормальности характеризуются как пористые, проницаемые, символические, диалогические [6, с. 170].

Тенденция соединения разнородных систем называется гибридностью в политике и химеричностью в биологии (животные-растения, растения-животные, мыши-халки и т. п.) Названные гибридные формы – это более или менее гармоничные «скрепы», необходимый «социальный клей». Существуют еще социальные химеры: православие и коммунизм, радикализм и ЗОЖ, «добрая машина пропаганды», «либерализм или смерть».

Динамичное усложнение реальности также выступает составляющей новой нормальности [6, с. 8]. Перенос термодинамическую концепцию энергии на социальные процессы, мы получаем описание сложных процессов в синергетических категориях «хаос», «автопоэзис», «самоорганизация», «порядок», «энтропия», «неравновесная динамика», «индетерминизм», «открытость систем», «флуктуация», «бифуркация», «полифуркация», «аттракторы». Нелинейная клиодинамика играет решающую роль в возникновении и

развитии новой нормальности. Вдобавок квантовая физика добавила метафизический аспект в наше представление о Вселенной. Если классическая философия последовательно изгоняла метафизику с помощью позитивизма и аналитической философии, то современная физика через энергию и информацию активно продвигает метафизическое понимание новой нормальности. Квантовая нелокальность, сознание как квантовый компьютер, голографическая топология Вселенной – все эти идеи составляют новую концептуальную структуру новой нормальности как постматериальности.

Тренд пластичности и гибридности определяет все социальные negotiations и грядущие изменения социальных форм. Деонтологизация, процессуальность, контингентность – это внутренняя структура функционирования цивилизации. Неоднородность и скорость социокультурных трансформаций ставят перед нами цель определить когнитивные условия новой нормальности в терминах дополненности, гибридности, конвергенции и устойчивого развития.

Заключение

Так нам нужно проклинать или благословлять технику? Намеки ответа уже даны во втором названии книги – философия коэволюции. А вот ее как раз и не хватает. Ведь книга посвящена, главным образом, столкновению человека и техноса. Рассчитываю, что в следующей публикации авторов будет проторен путь позитивной коэволюционной философии. Сделать человека свободным в использовании / неиспользовании техники – вот следующая задача человечества. Сейчас же мы заложники непроверяемого тезиса «прогресс не остановишь», который звучит фаталистично, как будто «от смерти не уйдешь». «Техника не есть судьба» – три философа попытались разрушить престол ТЕХНОСА, которого представляют всемогущим властителем системного мира. Символично, но на обложке обезличенный автократ современности изображен в виде мутанта, что опять возвращает нас к тезису, который авторы исподволь разделяют, что нет никакого внебиологического сознающего врага, мы сами породили ветряки прогресса, с которыми теперь сражаемся.

Литература

1. *Лифшиц М.А.* Почему я не модернист? – М.: Искусство-XXI, 2009. – 606 с.
2. *Мейасу К.* После конечности: эссе о необходимости контингентности. – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2015. – 193 с.
3. *Нилогов А.С.* Антислова и вещи: футурология гуманитарных наук. – СПб.: Алетейя, 2020. – 475 с.
4. *Резник Ю.М.* Феноменология человека: бытие возможного. – М.: Канон, 2017. – 631 с.

5. Кутырёв В.А. Знание как сила, сверхсила и бессилие (к 400-летию создания Ф. Бэконом «Нового Органона») // *Философия хозяйства*. – 2020. – № 5. – С. 157–172.
6. Кутырёв В.А., Слюсарев В.В., Хусаинов Т.М. Человечество и технос: философия коэволюции. – СПб.: Алетейя, 2020. – 260 с.
7. Тимощук А.С. Антропоконсерваторь, или философия для людей (рецензия на книгу В.А. Кутырёва «Сова Минервы вылетает в сумерки») // *Идеи и идеалы*. – 2019. – Т. 11, № 3, ч. 1. – С. 152–159.
8. Тимощук А.С. Рецензия на книгу Кутырёва В.А. Последнее целование. Человек как традиция // *Вопросы культурологии*. – 2016. – № 8. – С. 75–78.
9. Тимощук А.С. Новационизм, развитие и перспективы человека в философии В.А. Кутырёва // *Интеллектуальная культура Беларуси: духовно-нравственные традиции и тенденции инновационного развития: материалы Пятой международной научной конференции (19–20 ноября 2020 г., г. Минск): в 3 т. / Институт философии НАН Беларуси*. – Минск, 2020. – Т. 3. – С. 222–225.
10. Тимощук А.С. Программа феноменологического субстанциализма В.А. Кутырёва // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. – 2020. – Т. 20, № 2. – С. 226–229.
11. Шилов С.Е. Риторическая теория числа. – М.: Ленанд, 2013. – 800 с.
12. Bacon F. *The Miscellaneous Writings of Francis Bacon ... in Philosophy, Morality and Religion*. – London: Sherwood, Gilbert & Piper, 1827. – 259 p.

Статья поступила в редакцию 24.02.2021.

Статья прошла рецензирование 24.04.2021.

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-204-222

POST-HEROIC TIME: DIGITALIZATION, PRECARIATE, QUALIMETRY

Timoshchuk Alexey,*Dr. of Sc. (Philosophy), Associate Professor,**Professor of the Department of Humanities**and Socio-Economic Disciplines**Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service,**67 B. Nizhegorodskaya Street, Vladimir, 600020, Russian Federation*

ORCID: 0000-0003-4664-3215

SPIN-КОД (ПИИЛ): 8288-9253

AuthorID (ПИИЛ): 451016

Researcher ID: A-6590-2016

human@vui.vladinfo.ru

Abstract

The collective monograph, along with the classical themes of V.A. Kutyrev, contains new themes of his co-authors V.V. Slyusarev and T.M. Khusyainov: transformation of social structures, problems of interaction with virtual assistants, personal self-identification in the information society, labor resources in the context of globalization, opposition to humanism and efficiency in the market. The second theme is the increasing complexity of the information society through speed, data volumes, convergence, and dialogue. Religious differences that have fundamentally differentiated ethnic groups for so many centuries are a thing of the past. Differentiation of consumption styles, the ecological load on the biosphere and the capacity of the habitat; these are the current antinomies of man and technology. The paper deals with the effects of current social dynamics, in particular, the increasing processes of precarization, the accelerating pace of life and population growth. Stable employment, sustainable development, wisdom, conservative values; all of this is offered as a sacrifice to civilization, gamification, informatization and together constitutes a society of risk. Can we talk about human consumption by Technos? Isn't this black slug on the cover of the monograph yet another philosophical hypostatized metaphor? It would be correct to say that in conditions of overproduction of people, we need equipment for more efficient production. Without it, we cannot remain human. Technology helped us to leave a purely biological state and become sapient, civilized. Artificial intelligence, neural networks, robotics, blockchain (data processing distribution), 5G standard, big data, internet of things, cloud computing, 3D-printing, augmented reality; these are not monster technologies, transhumanist actors, but something that can provide promising employment to millions of people. The problem of unemployment in post-industrial society is already becoming global, because humanity has reached the limits of development. The rapid precarization of the population is proof of this. The mass of people on the planet cannot find normal employment with so-

cial guarantees. So maybe we need to thank tech? The review ends with such an ambiguous conclusion.

Keywords: growth limits, environmental capacity, sustainable development, precariat, unwanted people, uberization, conservative dynamism, left conservatism.

Bibliographic description for citation:

Timoshchuk A. Post-Heroic Time: Digitalization, Precariate, Qualimetry. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 4, pt. 1, pp. 204–222. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.4.1-204-222.

References

1. Lifshits M.A. *Pochemu ya ne modernist?* [Why am I not a modernist?]. Moscow, Iskusstvo-XXI Publ., 2009. 606 p.
2. Meillassoux Q. *Après la finitude: Essai sur la nécessité de la contingence* [After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency]. Paris, Éditions du Seuil, 2006 (Russ. ed.: Meiasu K. *Posle konechnosti: esse o neobkhodimosti kontingentnosti*. Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi Publ., 2015. 193 p.).
3. Nilogov A.S. *Antislova i veshchi: futurologiya gumanitarnykh nauk* [Antiwords and things. Futurology of the Humanities]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2020. 475 p.
4. Reznik Yu.M. *Fenomenologiya cheloveka: bytie vozmozhnogo* [Phenomenology of man: being of the possible]. Moscow, Kanon Publ., 2017. 631 p.
5. Kutyryov V.A. Znanie kak sila, sverkhсила i bessilie (k 400-letiyu sozdaniya F. Bekonom “Novogo Organona”) [Knowledge as power, Superpower and Powerlessness (on the 400th Anniversary of the Creation of the New Organon by F. Bacon)]. *Filosofiya khozyaistva = Philosophy of Economy*, 2020, no. 5, pp. 157–172. (In Russian).
6. Kutyrev V.A., Slyusarev V.V., Khusyainov T.M. *Chelovechestvo i tekhnos: filosofiya koevolutsii* [Humanity and Technos: a philosophy of co-evolution]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2020. 260 p.
7. Timoshchuk A.S. Antropokonservator, ili filosofiya dlya lyudei (retsenziya na knigu V.A. Kutyreva “Cova Minervy vyletaet v sumerki”) [An Anthropo-Conservative or Philosophy for People (Review of V.A. Kutyrev’s Book “The Owl of Minerva Starts Flying at Dusk”)]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2019, vol. 11, iss. 3, pt. 1, pp. 152–159.
8. Timoshchuk A.S. Retsenziya na knigu Kutyreva V.A. Poslednee tselovanie. Chelovek kak traditsiya [Review of the book by V.A. Kutyrev The last kiss. Man as a tradition]. *Voprosy kul’turologii*, 2016, no. 8, pp. 75–78. (In Russian).
9. Timoshchuk A.S. [Innovationism, human development and perspectives in the philosophy of V.A. Kutyreva]. *Intellektual’naya kul’tura Belarusi: dukhovno-nravstvennye traditsii i tendentsii innovatsionnogo razvitiya* [Intellectual culture of Belarus: spiritual and moral traditions and tendencies of innovative development]. Materials of the Fifth International Scientific Conference (November 19–20, 2020, Minsk). Minsk, 2020, vol. 3, pp. 222–225. (In Russian).

10. Timoshchuk A.S. Programma fenomenologicheskogo substantsializma V.A. Kutyreva [V.A. Kutyrev's Phenomenological Substantialism Program]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika = Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, no. 2, pp. 226–229.

11. Shilov S.E. *Ritoricheskaya teoriya chisla* [Rhetorical theory of number]. Moscow, Lenand Publ., 2013. 800 p.

12. Bacon F. *The Miscellaneous Writings of Francis Bacon ... in Philosophy, Morality and Religion*. London, Sherwood, Gilbert & Piper, 1827. 259 p.

The article was received on 24.02.2021.

The article was reviewed on 24.04.2021.